Во "Всемирные одесские новости" от Сергея КАЛМЫКОВА, Одесса

Нашелся!

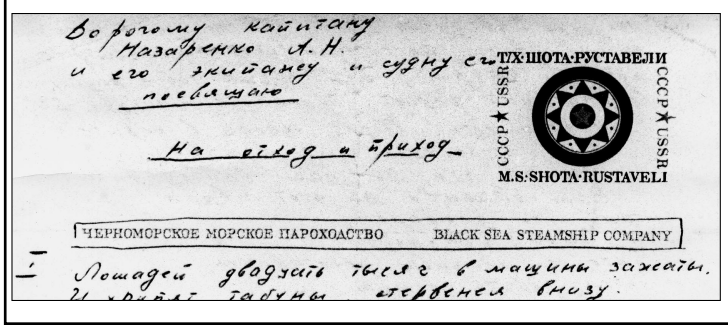
Рассказ о судьбе капитана Назаренко по-настоящему взволновал. Итак, он жив, это главное, а говорили порой черт знает что. Мы, знающие его, расспрашивали, что да как, но и расспрашивать было некого, и ответы были из области бреда.

У нас, в Управлении морских путей, он возник, как легенда. Загорелый, стройный, подтянутый и дружелюбный, хотя для него новая должность капитана-наставника была, в сущности, ссылкой. Вдогонку поступило и письмо на парткомовском бланке: обсудить, осудить и наказать. Что с готовностью и устроили, напоследок лицемерно осведомившись: а достаточно ли объективно мы Вас, Александр Николаевич, измазали?

Ах, капитан Назаренко, Александр Николаевич, Саша. С Тещина моста я, как правило, бросаю взгляд на твой балкон, бывший твой. На квартиру, где был синий потолок с серебряными созвездиями. Давно все прошло, и кроха дочка, которую я фотографировал с куклой, теперь взрослая.

Кстати, о фотографиях. Саша Назаренко дорожил своим фотоархивом, но любезно позволил кое-что, связанное с Высоцким, переснять. Тут я вспомнил его любимое словечко — "интеллигентно", которое он произносил с нажимом и едва заметной иронией. Да, так вот, все его поведение, гулял ли он с огромным псом или принимал экзамен штурманов, было интеллигентным в лучшем смысле и без иронии.

Итак, прощай, капитан Назаренко. А свободному человеку Александру Н. Николсону пусть покровительствует Святой Николай, надежда мореплавателей.



На снимках:
автограф Высоцкого;
молодые и счастливые Саша, Марина и Володя.

От Ольги Ильницкой — Глебу Павловскому

Начинаю всерьез
о тебе и себе
по пониманию и чувству

Я ненавижу правду. За то, что ее нужно говорить.

Глеб. Против него дружат разные люди. Напрасно. Он есть в каждом, кто с ним борется. Этого не понимают... Невозможно побороть то, частицей чего являешься сам, — о чем я говорю? О Глебе. О том, что он — живущая в каждом стихия, обузданная мною. Мною, потому что я — слабая его половина. Я — его мера. Не сотворенная, а узнанная, когда море и небо дрогнули и вспыхнул огонь октября... — тогда заревел морской ревун в осеннем тумане и возникло то, что так сильно в Глебе и живет — в каждом.

Вы знаете эту силу, эту страсть — когда туманы колобродят, и тянет холодом, и вы ежитесь, кутаясь друг в друга...

Поэтому я не боюсь, а обладаю счастливым качеством — свободой от страха ошибок. Ведь я сама придумываю правила. Глеб такой же, только наоборот: он — сильный, не боится бояться, и потому свободен от страха ошибок. Наоборотным способом. Мы с ним не ошиблись друг в друге. И пользуемся свободой: нам нечего делить — мы две половины общей жизни. Глеб сказал мне в своем стихотворении, написанном в крещенские морозы 1976 года: "В смерть ляжем вдвоем".

С Глебом я согласна! Я и — в жизнь с ним — захотела. От этого живут наш сын и сын сына... Нормально и хорошо, слава Богу.

Мы — иначе. Мы живем, как природа — предсказуемо для тех, кто умеет провидеть. И совершенно непонятно для всех, смотрящих из обычной, как принято у людей, жизни. Люди боятся природы. И правильно. Они давно перестали быть ее частью, она отторгла их за то, что возомнили себя царями.

Мы с Глебом живем, как не принято. Нас природа не отторгала: мы — тоже стихия. Я не определяла бы ее — через любовь. То, что определяет — не обозначается человеческими языками. Все, что соединило нас — это язык молнии, ударившей в волну, нас окатило брызгами соленой горечи, прожгло насквозь.

То было время листобоя, и желтой печалью клены промокнули нам щеки, и трогали нас пальцы октября, одаривая бурями. И все произошло — мы с Глебом никогда не исчезнем, нас море с небом приняли в себя.

Обручальное кольцо Глеба лежит на дне, и свое я отдала прибою. Мы вернемся однажды за ними, доделав жизнь на берегу.

А когда люди еще могли создавать легенды и мифы, они видели, как мы торопились на встречу друг с другом, и молния преломилась там, где встреча состоялась.

У нас не было иного языка, чтобы обратить на себя внимание и сказать, что так рождается свет. Из такой взаимной тяги через все мыслимые ошибки, которые совершаются людьми, сквозь драмы и трагедии — врастаем мы друг в друга.

Осваиваем искусство жизни. То — есть счастье.

20 октября 2002 г.

В Одессу Александру Розенбойму из Москвы от Е. Гнединой

Добрый день,
уважаемый Александр Розенбойм.

Я — Евгения Гнедина, дочь Валентины Товбиной (урожденной Аренберг), занимаюсь поиском информации о своих предках. В частности, искала в Интернете фамилию Аренберг. На этом пути, наряду со всякими провалами и неудачами, мне встретились две большие радости. Это упоминание об Александре Анисимовиче Аренберге и Ваши рассказы-исследования о Бабеле и литературной жизни Одессы (журнал "Вестник online", № 3 (288) от 31 января 2002 г.). Спасибо Вам и за то, и за другое. От Ваших рассказов повеяло давно забытым, но все равно живущим в душе — родной Одессой и ее колоритом. Меня порадовало также, что в Одессе кипит культурная и литературная жизнь (я узнала из Интернета о клубе писателей, музеях, конкурсах).

Судя по Вашему описанию, Вы сами встречались с Александром Аренбергом — дядей Сашей, как звали его у нас в семье. Я уехала из Одессы с родителями в Москву в 1934 г. Тогда дядя ходил в белой полотняной "толстовке" с длинным черным галстуком, похожим на бант. Будучи взрослой, дядю Сашу видела несколько раз — в Одессе и Москве. Тогда мне не приходило в голову расспрашивать его, маму и других родственников о прошлом, в частности, о предках. А теперь и спросить некого. От дяди Саши я запомнила один его рассказ — как его вызывали в ГубЧК, чтобы отнять драгоценности. Теперь приходится собирать данные по крохам и косвенным намекам, фотографиям и письмам. Фотографий у меня много, потому что мой дедушка Михаил Анисимович, брат дяди Саши, был фотографом. У меня есть фото дяди Саши в молодости. Если Вы были у него дома, то, возможно, там висел и портрет моей мамы: она была красивая, и дедушка охотно делал и дарил ее портреты. В моем представлении и по рассказам мамы и родственников дядя Саша остался как человек благородный, деликатный и в то же время остроумный и жизнерадостный, хотя он потерял свою семью. Была бы очень благодарна Вам, если бы Вы ответили на мои вопросы.

1. Где еще в Ваших и других произведениях упоминается дядя Саша? Он был знаком с Паустовским и Куприным, нет ли упоминаний о нем у них?

2. Очень прошу рассказать все, что Вы помните о дяде Саше. В частности, о семье. В Одессе жили еще три сестры дяди Саши: одна уехала в Палестину, две другие (Мария и Лема) умерли в Одессе. Не говорил ли он, откуда родом, откуда и когда приехал в Одессу? По некоторым данным, раньше дядя Саша и др. жили в Кишиневе, а потом в Тирасполе.

3. Знаете ли Вы что-нибудь о его единственном сыне Илье, который, как мне помнится, учился на филологическом, а в войну был военным корреспондентом и погиб? Последний раз я его видела в 1943 или 1944 году в Москве, он говорил, что женился.

4. Мне бы хотелось узнать, где и когда родились дядя Саша и его жена Берта (умерла в 1950 г. в Одессе). Если бы Вы могли порекомендовать человека, готового пойти на кладбище, разыскать могилы моих родственников и прочесть надписи на могилах, была бы очень благодарна. И, разумеется, отблагодарила бы этого человека за затраченное время и усилия так, как он этого сам пожелает.

В Одессе оставалась племянница дяди Саши — Поля Бершадская (ее муж Бершадский был писателем, не эвакуировался из Одессы вместе с Полей — и погиб). Тетя Поля умерла в конце 80-х или начале 90-х г. г. Внучатый племянник дяди Саши по имени Челик (Анчель) Кигель, внук сестры А. Аренберга (Марии Коган), живет теперь с сыном (Владимир Кигель — журналист) и внуком (Женя Кигель) в США. Так что попросить некого.

Расскажу о себе. Родилась в Киеве, пять лет жила в Одессе. Окончила московский иняз, была переводчицей (с нескольких европейских языков), двое детей — химик и математик, пять внуков. Теперь все живем в Германии, недалеко от Бонна. Когда мы жили в Одессе, папа работал в конторе "Заготживсырье" (почти "Рога и копыта"), а мама ездила с поклонниками и со мной на пляж. Много веселились на вечеринках, мама играла на пианино и пела. Почему-то среди знакомых было много чекистов — Миша Барон (расстреляли), Владимир Перцов.

Одессу тех лет я люблю и не забуду никогда, она — часть меня. Я осознала это вдруг сейчас, когда пишу Вам. В Одессе есть море, а это большая часть жизни. А к Москве я почти равнодушна, она большая и не близкая. В Одессе мы жили на Пушкинской, точно напротив гостиницы "Бристоль" (потом стала "Красная").

Уважаемый Александр Розенбойм, по существу, я обращаюсь к Вам с просьбами, выполнение которых требует желания, времени и усилий. Буду Вам благодарна за любую помощь и любой ответ.

Где можно прочесть что-нибудь о Вас и Вашем творчестве? В Интернете ничего не нашла. Желаю Вам и Аркадию Крейммеру здоровья, всего хорошего в творчестве, делах и в семье.

Михаилу Михайловичу Жванецкому в Одессу из Нью-Йорка от Эрнеста Брускина

Президенту Всемирного клуба одесситов Михаилу Михайловичу — нижайший поклон за отличнейшее сольное выступление в двух отделениях 3-го ноября 2002 года в нью-йоркском "Линкольн-центре" в Манхэттене!

Неугасающая энергия!

Тот же востребованный народом юмор!

Абсолютный контакт с залом!

Все точно так же, как и 10, и 20, и 30, и 40 лет назад!

ФЕНОМЕНАЛЬНО! (Чтобы не сказать больше!)

Так держать!

Дорогие друзья!
Уважаемые господа!

В ноябре 2002 года исполнилось 75 лет со дня открытия первого Одесского еврейского музея. Богатейшая коллекция этого музея была уничтожена. Осталось лишь частичное описание его ценностей.

Музей бесследно исчез, как и другие еврейские музеи по всему СССР.

Нам с вами предоставляется возможность повторить историю ровно через 75 лет.

В течение нескольких лет нашими сотрудниками и волонтерами собирались материалы для будущего музея. Выпущены первая книга в серии "Еврейская Одесса", альбом старинных открыток "Приоткрытая дверь", каталог работ одесских художников-евреев, серия книг "Еврейская душа"; проведено несколько выставок.

Два года велись изыскания в городском архиве, и собранные данные представляют сегодня серьезный материал для публикаций и дальнейших исследований.

Состоявшееся в сентябре заседание одесских коллекционеров еще раз подтвердило заинтересованность одесситов в создании такого центра. Мы заручились полной поддержкой наших коллег в создании первой экспозиции и дальнейшей профессиональной работе.

Международный статус центра "Мигдаль", репутация и обширные связи за рубежом позволяют вести нашу деятельность по сбору информации не только в Украине, но и в других странах ближнего и дальнего зарубежья.

На сегодняшний день "Мигдаль" благодаря спонсорам имеет помещение площадью 150 кв. м в центре города для последующего переоборудования его в Музей истории и культуры евреев Одессы. Это помещение нуждается в частичном переустройстве и ремонте, а также в оснащении сигнализацией и необходимым оборудованием. Хотя это относительно небольшие средства, нашего собственного бюджета, к сожалению, недостаточно.

Мы просим вас принять посильное участие в реализации этого важного проекта, который невозможен без вашей помощи и финансовой поддержки. Мы хотим заверить вас, что ваши пожертвования будут использованы с максимальной эффективностью и полной прозрачностью для вас. При входе в музей будет установлена памятная доска с указанием имен меценатов центра.

Заранее благодарна, с уважением

председатель правления еврейского общинного центра "Мигдаль"
Кира ВЕРХОВСКАЯ.